

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Рагулина М.В. Оленеводство тофов: социально-географические аспекты преемственности практик в период перехода к оседлости // Социодинамика. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.10.76341 EDN: GBRMFK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76341

Оленеводство тофов: социально-географические аспекты преемственности практик в период перехода к оседлости

Рагулина Милана Владимировна

доктор географических наук

ведущий научный сотрудник; Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

664033, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

✉ milanara@yandex.ru



[Статья из рубрики "Антропология и этногенез"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.10.76341

EDN:

GBRMFK

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является выяснение влияния социально-географических факторов на преемственность трудовых практик в горно-таежном оленеводстве тофов. Этническое хозяйство длительное время было основано на сочетании охоты и транспортного оленеводства, с круглогодичным кочеванием. Показано, что перевод на оседлость и создание коллективных хозяйств побудили изменить и приспособить к новым требованиям способы освоения угодий, трудовые навыки и отношения в этнолокальном сообществе, а также вызвали значительные деформации социальной системы. Цель работы – в выявлении адаптивного характера отношений между традиционными навыками и новыми институциональными требованиями при переходе к оседлости и коллективизации. Особое внимание уделено административным мерам и неформальными договоренностями, обеспечивающим системную преемственность традиционного природопользования. Методической основой стали концепты социальной адаптации, устойчивости и этносоциальной преемственности. Анализ опирается на полевые интервью и архивные документы. Новизна исследования состоит в интерпретации сохранения тофаларского оленеводства с помощью гибридной

модели, сочетающей советские институты с традиционными практиками. В результате выявлено, что относительная устойчивость системы обеспечивалась неформальными договоренностями, социальной взаимопомощью и сохранением связи оленеводства с охотой. Основные выводы работы свидетельствуют, что начальные цели коренных преобразований саянского оленеводства сталкивались с невозможностью воплощения из-за недостаточного учета системного характера локальных природных и социально-географических контекстов. Сложившаяся система коллективного оленеводства и охотничьего промысла возникла не только благодаря административному принуждению, а представляет также результат компромиссов и уступок советского управления как «географии», так и «этнографии» труднодоступного горного региона. Выработанные коллективные практики и принципы взаимодействия могут иметь значение для реинтродукции и посткризисного развития современного оленеводства в Тофаларии.

Ключевые слова:

олeneводство, тофы, адаптация, кочевники тайги, устойчивое развитие, преемственность, социально-экологическая система, коллективизация, сообщество, неформальные практики

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190018-2.

Введение

Оленеводство в горной тайге – устойчивая, но в то же время достаточно хрупкая система. Под влиянием комплекса изменений оно может попадать в критическое положение даже там, где природный ландшафт идеально соответствует его запросам, что видно на примере саянского региона. Тофалария находится в Нижнеудинском районе Иркутской области, в западной части Восточных Саян. Это территория коренного народа тофа (тофов), численность которого колебалась в пределах 400-700 чел. в XIX – XX вв., а в настоящее время составляет 636 чел. Согласно районированию К. Б. Клокова, регион тофаларского оленеводства входит в южносибирский оленеводческий ареал как часть более крупной зоны горного оленеводства, представленного горнотаежными очагами от Урала до Камчатки [\[1\]](#). Система жизнеобеспечения была основана на сочетании охотничьего промысла и оленеводства и предполагала вертикальную мобильность семейных общин в соответствии с высотной поясностью гор, закономерную посезонную смену стоянок. В течение трёх веков под влиянием внешних вмешательств и внутренних динамических факторов образ жизни и способы освоения угодий менялись, но сохраняли преемственность. Особую роль сыграл перевод на оседлость и коллективизация, объединение в кооперативные промысловые хозяйства [\[2\]](#). Всё это время, вплоть до постсоветских реформ 1990-х гг., оленеводство продолжало играть важнейшую роль в хозяйстве, идентичности, культуре.

Целевая установка работы состоит в том, чтобы выяснить, как практики тофаларского оленеводства менялись под влиянием коллективизации, выявить механизмы компромисса между традиционными навыками и новыми институциональными требованиями. Мы предполагаем, что устойчивость оленеводства в переходный период обеспечивалась не столько административными мерами, сколько неформальными договоренностями и гибридизацией практик, аналогично другим регионам России [\[3\]](#).

Материалы и методы

В основу положены полевые материалы, литература и документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Интервью с охотниками и оленеводами были записаны в июне 1992 г., в ходе экспедиции Иркутского государственного областного музея в п. Нерха, а также по маршруту перекочевки оленьего стада на высокогорные летние пастбища в Белогорье. В 1930-1960-х гг. в поселке был организован колхоз им. Кирова, самый малочисленный из трех тофаларских колхозов. По данным Л. В. Мельниковой, в 1950-е гг. в нем состояло до 32 домохозяйств, 29 из них тофаларские, а количество колхозников составляло 98 – 112 чел. [\[4, с. 238\]](#). Старшее поколение информантов застало время коллективизации, а более младшие получили этот опыт «из первых рук», со слов участников событий, родителей и старших родственников. Методом сплошного локального исследования проведен полевой опрос с обходом всех домохозяйств п. Нерха силами А. Н. Садового (руководитель экспедиции), О. К. Елиной, М. И. Пугачева и автора.

Программа интервью разработана О. В. Бычковым, она включала вопросы об этапах трансформации жизнеобеспечения, его источниках и промысловой культуре. Все интервью, кроме одного, фрагменты которых приводятся в работе, принадлежат мужчинам — тофам, возраст указан на дату опроса.

В работе применены элементы системного подхода, концепты устойчивости и адаптации оленеводства [\[5;6\]](#). При значительной изменчивости социально-экологических систем критерием их адаптивной жизнеспособности остается функциональность [\[7\]](#). Надежность стратегий межпоколенной передачи знаний обеспечивает успех адаптации сообщества к изменчивым контекстам [\[8\]](#). Оленеводство как социально-экологическая система включает популяцию домашних оленей, экологические ресурсы (продуктивность пастбищ, ландшафтно-экологические условия высокогорной и горной тайги, климатическую контрастность), человека и его социальные общности, структуру, экономическую составляющую (эффективность, доходность, удовлетворение потребностей), а также культурный и институциональный компоненты. Вслед за скандинавской школой адаптивных исследований в оленеводстве, можно принять трактовку устойчивости, которая помещается в адаптивный контекст и заключается в использовании ресурсов сообщества для продуктивного развития в меняющейся и неопределённой среде [\[9\]](#). Акцент на неопределенности подчеркивает важность управления для доступа к активам устойчивости [\[10\]](#).

Пять основных групп факторов, ресурсов, ограничений и капиталов использованы в анализе адаптации и гибкости оленеводческой системы: экономический, социальный, институциональный, человеческий капиталы [\[11\]](#). Коллективизация тофов и перевод на оседлость – первый этап крупных преобразований социально-экологической системы оленеводства, при котором менялось содержание данных факторов, при этом институциональный был ведущим. Практики тофаларского оленеводства интерпретируются через призму взаимной связанности системных блоков и названных капиталов.

Результаты и обсуждение

Коллективизация тофаларского оленеводства изначально предполагала создание крупностадного хозяйства, однако природно-географические и социальные ограничения привели к серии компромиссов, которые и сформировали новую систему трудовых

практик. Прообразом выработки руководящих указаний стало крупнотадное тундровое оленеводство мясного направления, однако их действие распространялось на все типы оленеводства [12]. Под руководством партии представители административных органов, ветеринарные специалисты и зоотехники должны были коренным образом преобразовать горнотаёжное оленеводство в кратчайшие сроки. Горно-таёжный ландшафт, отсутствие сплошных кормовых угодий и традиционные навыки населения, веками адаптированные к немногочисленным семейным стадам верховых и вьючных оленей, сделали планы власти нереалистичными. Особенно показателен провал объединения поголовья в межколхозное стадо весной 1931 года, когда попытка собрать оленей с горной территории в радиусе 150-350 км привела к массовой гибели животных из-за несвоевременности (процесс совпал с отелом), бесконтрольности (отход от хищников) и неучёта поведенческих особенностей оленей (ГАИО, ф. р-2375, оп. 1, д. 97, л. 31).

В дооседлый период сложилась принципиально иная система хозяйствования. Оленеводство основывалось на небольших семейных стадах по 15-20 голов, находившихся в собственности патронимических семейных групп и их объединений [13; 14]. Кочевые маршруты формировались с учётом вертикальной поясности и центров тяготения родовых охотничьих угодий («тайг»), при этом, как отмечает информант В. (65 лет), «границ четких не было, ... олени у всех были, у каждого — на них все время ездили». Распространенность навыков, их естественная передача внутри сообщества (все члены общины владели основами ухода за оленями), социальные сети взаимной помощи и тесная связь с охотничьим промыслом создавали саморегулирующуюся систему, которая обладала потенциалом восстановления. Об этом свидетельствуют примеры более чем многократного падения поголовья в течение одного десятилетия под влиянием эпизоотий у оленей и эпидемий оленеводов, и относительно быстрого его восстановления. Так, в 1884 г. численность оленей составила 1776, в 1891 г. — 390 [11, с. 33], а в 1912 г. уже 2579 голов [15, с. 323].

Неудачи первых лет коллективизации стимулировали поиск более мягких вариантов. Обследование 1932 года выявило целый ряд кризисных явлений: хищническое использование и отсутствие смены пастбищных угодий, неподготовленность пастухов к масштабным стадам и негуманное содержание (случаи оставления оленей без пищи и воды на привязи до нескольких дней — ГАИО, ф. р-2375, оп. 1, д. 127, л. 37). Ответом стало формирование гибридной модели. Синтез, который возник вопреки первоначальным жестким планам, обеспечил относительную устойчивость системы в новых условиях. Модель переговорного процесса между традиционными и конвенциональными практиками [16] позволяет рассмотреть колхозное оленеводство как результат разнонаправленных компромиссов (Табл. 1).

Таблица 1

Генезис адаптивной системы колхозного оленеводства тофов

Институциональное намерение	Ограничивающие векторы	Частный результат компромисса	Общий результат компромисса
1. Создание крупнотадного мясошкурного	Природный: горный рельеф, мозаичность	Снижение стада до 500-600 голов. Оценка	Замена идеи промышленного оленеводства на

оленоводства /	ландшафтов, нет сплошных пастбищ	оленеёмкости и схемы пастбищного оборота	гибридный транспортный вариант;
	Экономический: потеря оленей угрожает продуктивности охотничьего промысла	Создание транспортного стада. Закрепление оленей за охотником. Материальная ответственность за падеж и премии за успехи	компромисс: закрепленные за колхозником олени в общественном стаде. Три стада: транспортное
	Человеческий: традиционные навыки не подходят для больших стад	Приспособление навыков выхаживания телят, ограничение привязывания. Увеличение числа пастухов, их ветеринарное просвещение	(основное, для охоты и перевозки), мясное, племенное. Преемственность дооседлого периода, дополненная
	Культурный: ослабление связи с оленями, небрежное обращение	Закрепление за охотником оленей. Использование родственников как помощников; неформальное обучение	научно-зоотехнической и ветеринарной базой. Сохранение летнего выпаса на высокогорье и отела на привычных местах

Источник: составлено автором

С одной стороны, она базировалась на инновациях: закрепление оленей за конкретными охотниками с материальной ответственностью за их сохранность на период промысла, научно обоснованный пастбищеоборот, разделение колхозного стада на транспортную, откормочную и племенную группы, а с другой — сохранялись традиционные элементы. Это сезонные кочёвки по проверенным маршрутам, учитывающие доколхозные паттерны передвижения из долин (зима) в гольцы (лето), семейная передача навыков, особенно в верховом и вьючном использовании оленей, поиске для него резервных кормов при отсутствии сплошных ягельников, выхаживании оленят, а также неразрывная связь с промысловой деятельностью.

Парадоксальное позитивное восприятие колхозной системы тофами объясняется сохранением ключевых элементов социальной организации. Как свидетельствуют интервью, относительная автономность и минимальное вмешательство внешней администрации позволили сохранить традиционные модели самоуправления. «Начальство свои, тофы... Люди сами себе предоставлены» (информант В.Н., 44 года) —

эта характеристика отражает важнейший компромисс: формальные колхозные структуры частично воспроизводили общинную организацию. Социальная гибкость проявилась особенно ярко при сравнении с постколхозным периодом: «В 1967 г. забрали оленей. Люди стали рабы на охоте» (информант П.В., 66 лет).

Сохранение семейно-родовых связей смягчило переход к оседлости. Трудовые практики, хотя и трансформированные, сохраняли преемственность: пастухи продолжали жить в чумах, изготавливать традиционную упряжь, а летний выпас по-прежнему предполагал участие семей и родственников. Особенно показателен механизм закрепления оленей за конкретными охотниками. В автономной области Коми «столкнувшись с невозможностью полной и быстрой коллективизации, Коммунистическая партия была вынуждена пойти на компромисс с оленеводами, поскольку именно они обеспечивали практические знания, рабочую силу и продукцию. Этот компромисс привел к появлению загадочной категории «личных оленей» (не совсем коллективных, не совсем частных), которых пасли вместе с коллективными или государственными оленями» [16, с. 6.]. В Тофаларии по уставу колхозов 1939 г., каждый двор мог иметь в личном пользовании до 200 голов оленей и 1 корову. Однако в 1950 г. цифра была скорректирована до более реалистичных в горной тайге 15 голов [4, с. 241].

Ключевым фактором устойчивости стало сохранение промысловой логики хозяйства [17]. «Без оленей — не охотник» (информант П. В., 66 лет) — так традиционно воспринималась неразрывность охоты и оленеводства. Колхозная система, вопреки первоначальному плану начала 1930-х гг., не ликвидировала, а изменила, и в какой-то степени даже укрепила их связь в новых условиях. Этому способствовало создание транспортных стад, неформальные практики вовлечения в оленеводство и доступа к его продукции «На оленстаде без мяса не сидят. Можно охотиться, есть больные олени, или специальный забой» (В.Н., 44 года). Относительная автономность («свои председатели», «охота по большому кругу») и прозрачность распределения продуктов и вознаграждения («все знали, за что получали») воспроизводили общинные принципы прошлого. В результате, как верно отмечает информант В. Н. (44 года), вопреки тому, что жилось трудно, «колхоз был ближе к людям», чем последующие формы организации хозяйства.

Географическая изоляция региона, его труднодоступность, а также гибкое сочетание формальных и неформальных практик содействовало формированию «новой традиционности», где социалистические институты непреднамеренно наполнились досоветским содержанием, адаптированным к оседлому образу жизни с периодами промысловой и оленеводческой мобильности.

Крах колхозной модели в Тофаларии (1965—1967 гг.) выявил глубокие расхождения между административным планированием и экологическими реалиями таёжного хозяйства. Жесткие нормативы по сдаче пушнины и мяса, игнорирующие цикличность биологических ресурсов, привели к катастрофическим решениям: забой транспортных и маточных оленей ради выполнения плана окончательно подорвал благосостояние колхозов. Этот опыт иллюстрирует типовую ошибку жесткой модернизации — подмену адаптивных практик догматическими схемами [10]. Возникает противоречие между фрагментированным управлением и устойчивостью, когда политика администрирования бросает вызов локальным культурным ценностям [18]. Как показали дальнейшие события (распад КЗПХ в 1990-е), даже кооперативные формы не смогли компенсировать утрату системного знания [19], когда из социально-экологической конструкции выпадают осевые связи, в то время, как экономика страны вступила в полосу турбулентности. Интервью

1990-х годов зафиксировали расхождения в восприятии оленеводства (вопрос о желании взять в собственность оленей). Часть информантов была заинтересована, но недооценивала трудозатраты («Оленей хотел бы иметь, голов 100, а как содержать, что-нибудь придумал бы...». «Оленей бы взял, 5-10, пусть по моей тайге лазят, не отказался бы и от 100 голов»).

Более скептически настроены люди с жизненным опытом, либо занятые в оленеводстве: они сознавали неготовность к изоляции, погружению в жизнь пастуха, поскольку социальные отношения уже перестроены под оседлость (В.Г., 27 лет, пастух: «Оленей? Зачем? Нужно бы тогда совсем жить в тайге!»). Русский штатный охотник, М.А., 60 лет: «Хоть с оленями постоянно охочусь, сам бы не взял. За ними все время смотреть надо, надо в тайге жить». Информант В. Н., 44 года: «Стадо можно взять, ... не делаясь на роды, поселковое, как в колхозе... не надо оленей возвращать семьям, а лучше поселку. Если оленей даже возьмут (отдельные люди — М. Р.), то забьют и съедят. Молодежь на стадо не идет работать, женщины тоже, несколько стариков... остальные не хотят».

Слова «забьют и съедят» оказались пророческими, так и случилось в Нерхе после ликвидации КЗПХ. В период неясности судьбы оленеводства, когда Нерхинское стадо еще насчитывало 320 голов, информант В.Н. предлагал сходный с колхозным принцип содержания оленей, учитывающий реалии оседлости. По такому пути, опираясь на ресурсы социальной солидарности и взаимной помощи, пойдет население другого поселка — Алыгджера. В сложнейших экономических условиях и институциональном хаосе оленей удалось сохранить, сначала благодаря инициативе жителей, а впоследствии — общине «Барбитай» (300–400 голов). В том числе с этим немногочисленным поголовьем связаны надежды реинтродукции оленеводства в Тофаларию.

Заключение

Ключевая проблема преемственности практик оленеводства — разрыв межпоколенческой передачи навыков. При этом, системным дезорганизующим фактором стало не только «нежелание» быть с оленем, его чувствовать и понимать [\[20\]](#), но и отсутствие институциональных условий для этого контакта. Тофаларский олень уникален по степени ориентированности на человека. Выхаживание телят основано на раннем, в первые минуты и часы их жизни, знакомстве с ним, ненасильственном приручении олененка, которое во взрослой жизни облегчит верховую езду, вьючное использование, создаст пространство понимания между человеком и животным, что подчеркивал знаток Тофаларии и краевед М. И. Пугачев [\[21\]](#).

С учетом сказанного, вопрос «возрождения» тофаларского оленеводства непросто. За более чем двадцать лет в охотничьем промысле сформировались «замещающие связи», чему способствовало изменение рыночной конъюнктуры, каналов сбыта, ограничение возможности использования оленя. Традиционные практики «дрейфуют» в сторону культурного символизма, этноидентификационной функции, которую нельзя недооценивать.

Реинтродукция оленеводства нуждается в передаче опыта, как от самих носителей традиции, так и опосредованно, через интерес к семейной истории и памяти, музейным коллекциям, языку, топонимии, интеграции традиционных знаний в образовательные программы и живого контакта с оленями.

Экономическая поддержка в рамках региональных программ и грантов пока не

покрывает потребностей оленеводства, включая современные средства отслеживания, ветеринарные и зоотехнические мероприятия. Вопрос преемственности практик связан с мотивацией молодежи, что возможно через творческий поиск форм туризма и промысла. Устойчивость обеспечивается способностью к быстрой адаптации, приоритетом локальных решений над централизованными и возможностями хорошо ориентироваться в современном цифровом мире.

Современные векторы (государственное субсидирование, этнотуризм, гранты) создают почву для новых «переговорных практик», где олень может стать не только символом, но и залогом успешной адаптации к социокультурной ситуации и колебаниям рынка. Однако, как и в 1930-е гг., успех зависит от умения услышать самих тофов.

Библиография

1. Клоков К. Б. Географическая изменчивость и культурное разнообразие оленеводства в северной России: делимитация территорий с различными типами оленеводства // Пасторализм. 2023. Т. 13. N 1. С. 1-15. <https://doi.org/10.1186/s13570-023-00279-3> EDN: PUIZDU
2. Рагулина М. В. Этноэкономическая трансформация горно-таежного оленеводства в Иркутской области // Аграрный вестник Урала. 2023. Т. 23, N 11. С. 86-97. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-23-11-86-97 EDN: KIKEWE
3. Истомин К. В. Постсоветские оленеводы: между семейным и коллективным оленеводством // Регион: Региональные исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2020. Т. 9. N 1. С. 25-52. <https://doi.org/10.1353/reg.2020.0005>. EDN: EIQQDB
4. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1994. 302 с.
5. Хорсткотте Т., Лёф А., Мозн Дж. Понимание адаптационных ландшафтов: картирование сложности принятия решений в оленеводстве // Арктический обзор по праву и политике. 2024. Т. 15. С. 202-230. <https://www.jstor.org/stable/48807504> DOI: 10.23865/arctic.v15.6138 EDN: QWOQAW
6. Вулвулис Н., Гиакумис Т., Хант С., Киоупи В., Петру Н., Соулотис И., Вагела Ч. Системное мышление как парадигмальный сдвиг для устойчивой трансформации // Глобальные изменения окружающей среды. 2022. Т. 75. С. 102544. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102544> EDN: MVUPPR
7. Макиннис М. Д., Остом Е. Рамка социально-экологической системы: первоначальные изменения и продолжающиеся вызовы // Экология и общество. 2014. Т. 19. N 2. С. 30. <http://dx.doi.org/10.5751/ES-06387-190230>
8. Аксельссон-Линковски В., Фьелльстрём А.-М., Сандстрём С., Вестин А., Öстлунд Л., Мозн Дж. Изменение стратегий между поколениями в самском оленеводстве: вызовы сохранения традиций при адаптации к меняющемуся контексту // Человеческая экология. 2020. Т. 48. С. 481-490. <https://doi.org/10.1007/s10745-020-00171-3>. EDN: LHQTSM
9. Ландауэр М., Расмус С., Форбс Б. С. Что движет управлением оленями в Финляндии к социальным и экологическим критическим точкам? // Региональные изменения окружающей среды. 2021. Т. 21. N 2. С. 32. <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01757-3> EDN: ZHRMQF
10. Рисволь К., Ховельсруд Г. К., Рисет Дж. А. Падая между трещинами управляющих систем: риск и неопределенность в пасторализме на севере Норвегии // Погода, климат и общество. 2022. Т. 14. N 1. С. 191-204. <https://doi.org/10.1175/WCAS-D-21-0052.1> EDN: CFLHJY

11. Бьюкенен А., Рид М. Г., Лидестав Г. Что считается оленеводом? Гендер и адаптивная способность самских оленеводческих сообществ в Швеции // Амбио. 2016. Т. 45. С. 352-362. <https://doi.org/10.1007/s13280-016-0834-1> EDN: WTEIRE
12. Ильин М. С. Сборник постановлений и распоряжений по советскому оленеводству. Пособие для оленеводческих совхозов. М., 1933. 123 с.
13. Петри Б. Э. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927. 46 с.
14. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: ИМБТ, 2005. 190 с. EDN: TURMOJ
15. Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем: отчёт Саянской экспедиции Департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьева // Саянская экспедиция. Серия 2. СПб.: Гос. изд-во, 1921. 458 с.
16. Истомин К., Хабек Й.-О., Лаптандер Р., Томердик Х., Хорсткотте Т., Расмус С. Социально-экономические процессы в выбранных сообществах: взаимодействие формальных и неформальных институтов и практик в оленеводстве (Россия и Финноскандия). // CHARTER Deliverable 3.5. 2023. 28 с. https://www.charter-arctic.org/wp-content/uploads/2023/12/CHARTER_deliverable_D3.5_Institutions_final.pdf
17. Кудашкин В. А., Кудашкина О. В. Система коллективных хозяйств у коренных малочисленных народов Иркутской области в 1930–1960 гг. (на примере тофаларов) // Иркутский историко-экономический ежегодник: Сборник статей. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. С. 168-173. DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.14. EDN: HXWJRD
18. Тониоло С., Пиеретто Ч., Кавана Д. Улучшение устойчивости в сообществах: связывание местного уровня с концепцией устойчивого развития // Обзор воздействия на окружающую среду. 2023. Т. 101. С. 107-126. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2023.107126> EDN: AYLLDT
19. Богданов А. С., Вашукевич Ю. Е. Состояние охотхозяйственного производства в Тофаларии в конце XX века // Вестник ИргСХА. 2013. N 56. С. 12-16. EDN: RBYCPF
20. Олер А. Подводя итоги: оленеводство тофалар сегодня // Многообразие домашних хозяйств в Саянских горах: экология на границе России и Монголии. Ланем, 2020. С. 121-140.
21. Пугачев М. И. Год оленевода. 1991. URL: <http://www.tofalaria.ru/history-olenevodstvo.htm> (дата обращения: 25.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Оленеводство считается традиционным занятием тофов (тофаларов), являющихся коренным малочисленным народом Сибири. Тофаларами олени использовались главным образом как верховой и вьючный транспорт, а также как источник молочных продуктов. Предметом рецензируемой статьи является изучение социально-географических аспектов преемственности практик оленеводства тофов в период перехода к оседлости. Автор достаточно четко определяет актуальность исследования, отмечая, что система жизнеобеспечения тофов была основана на сочетании охотничьего промысла и оленеводства и предполагала вертикальную мобильность семейных общин в соответствии с высотной поясностью гор, закономерную посезонную смену стоянок. В

течение трёх веков под влиянием внешних вмешательств и внутренних динамических факторов образ жизни и способы освоения угодий менялись, но сохраняли преемственность. Особую роль сыграл перевод на оседлость и коллективизация, объединение в кооперативные промысловые хозяйства. Всё это время, вплоть до постсоветских реформ 1990-х гг., оленеводство продолжало играть важнейшую роль в хозяйстве, идентичности, культуре.

В связи с этим, основная цель исследования - выяснить, как практики тофаларского оленеводства менялись под влиянием коллективизации, выявить механизмы компромисса между традиционными навыками и новыми институциональными требованиями.

Методология исследования основана на применении экспедиционного метода с использованием полевых материалов и архивных документов Государственного архива Иркутской области.

Научная новизна исследований заключается в том, что впервые проведен глубокий анализ стратегий межпоколенной передачи знаний и преемственности практик оленеводства тофов в период перехода к оседлости.

Стиль статьи – научный. Структура статьи соответствует требованиям журнала «Социодинамика». В статье автор отмечает, что в дооседлый период тофов оленеводство основывалось на небольших семейных стадах по 15-20 голов, находившихся в собственности патронимических семейных групп и их объединений. Коллективизация тофаларского оленеводства изначально предполагала создание крупностадного хозяйства, однако природно-географические и социальные ограничения привели к серии компромиссов, которые и сформировали новую систему трудовых практик. Прообразом выработки руководящих указаний стало крупностадное тундровое оленеводство мясного направления, однако их действие распространялось на все типы оленеводства. Сохранение семейно-родовых связей смягчило переход к оседлости. Трудовые практики, хотя и трансформированные, сохраняли преемственность: пастухи продолжали жить в чумах, изготавливать традиционную упряжь, а летний выпас по-прежнему предполагал участие семей и родственников. Крах колхозной модели в Тофаларии в 1965–1967 гг. выявил глубокие расхождения между административным планированием и экологическими реалиями таёжного хозяйства. Жесткие нормативы по сдаче пушнины и мяса, игнорирующие цикличность биологических ресурсов, привели к катастрофическим решениям: забой транспортных и маточных оленей.

Объём статьи соответствует требованиям журнала «Социодинамика». В тексте имеются незначительные опечатки, их необходимо исправить. В целом, существенных замечаний по статье не отмечено.

Библиография статьи включает в себя 21 литературный источник на русском языке.

Выводы в статье достаточно обоснованы, автор отмечает, что ключевая проблема преемственности практик оленеводства – это разрыв межпоколенческой передачи навыков. Реинтродукция оленеводства нуждается в передаче опыта, как от самих носителей традиции, так и опосредованно, через интерес к семейной истории и памяти, музейным коллекциям, языку, топонимии, интеграции традиционных знаний в образовательные программы и живого контакта с оленями.

Данная статья может быть интересна и полезна широкому кругу читателей и специалистов по социодинамике малочисленных народов Сибири. Рецензируемая статья рекомендуется к опубликованию в журнале «Социодинамика».

